

к работе, мы открыли «рукодельный класс». И здесь Народному Дому пришлось, по необходимости, взять на себя опыт ведения такого воспитательно-учебного дела, во главе которого стала у нас Елизавета Васильевна Попова.

Чтобы несколько подготовить девочек к практической жизни, были устроены уроки кройки и шитья, а для воспитательно-образовательного воздействия введены уроки русского языка, Закона Божия, арифметики, мироведения, рисования. Главной задачей этого двухгодичного курса было — не только дать девочкам практические знания и навыки, но возбудить в них интерес к окружающей жизни, научить вдумчиво относиться к жизненным явлениям и вызвать в них сознание личной ответственности и чувство долга. Елизавета Васильевна сумела придать этому делу особую задушевность, превратила эту группу в большую, дружную семью, и многие из ее питомиц работали позднее у нас же в Народном Доме; другие продолжали свое образование и стали учеными нянями и сестрами милосердия, некоторые вышли даже в учительницы. Но и те, которые просто вернулись в семью, внесли в окружающую их жизнь новый и свежий элемент душевной и физической культуры.

Для иллюстрации тех настроений, с которыми эти девочки 10-13 лет относились к своей школе и покидали ее, я приведу некоторые отрывки из их писем и отзывов, случайно у меня сохранившихся. Это всё же живой голос прошлого, объективно устанавливающий факты, которые в моем личном изложении могли бы показаться искаженными субъективным, пристрастным чувством. Нехитрыми, искренними словами рассказывают они свои впечатления от прочитанных книг, пишут о своих домашних бедах, о своих мечтах и надеждах. Так как жизнь этих детей вне школы безотраднее, то большинство из них видит высшую радость в «чистенькой квартирке, чистенькой одежде, чтобы можно жить без всяких притеснений».

«Хотела бы жить в чистоте и опрятности». «Мечтаю о том, чтобы наша семья всегда была обуeta, одета, напоена и накормлена — чтобы все жили в согласии и не ссорились». «Хотела бы помогать родителям, чтобы не голодали в старости». «Построила бы много школ для детей». «Хотела бы быть учительницей». «А если бы у меня был талант сочинять, то сочиняла бы. Кто бы мог покупать мои сочинения, покупай с удовольствием, а кто не мог — раздавала бы да-

ром». «Хотела бы быть художницей и жить в пещерах на берегу моря». «Хочу учиться дальше, во мне пробудилась страсть к учению, мне даже во сне снится. Я готова проводить для учения все часы сна, потому что и спать много тоже вредно».

Читая книги, девочки стремятся разобраться в них, пишут по предложению учительницы свои мнения. «Мне очень жаль капитана Гатераса, что он сошел с ума, но всё-таки он добился своего, вот какую мыслью я себя утешаю». «Счастливы тот, кто добился своего», пишет 11-летняя девочка, «Жанна д'Арк мне нравится за то, что у нее была сила воли и она боролась за родину. Всегда надо идти за веру и истину Христову».

И увлеченные хорошими книгами, дружескими разговорами с учительницей, они стремятся выразить свой идеал жизни. «Хотелось бы отчасти жить по заповедям Христа». «Быть хорошей и трудолюбивой женщиной». «Ко всякому делу иметь побольше терпения». «Не забывать тех, кто сделал нам что-нибудь хорошее». «Когда я старалась жить по евангелию, то сначала казалось трудно, но теперь мне очень нравится, и я буду стараться делать побольше хорошего и поменьше дурного».

Я остановилась подробно на описании детских отделов Народного Дома по двум причинам:

Во-первых, потому что за исключением детского сада, все они являлись в то время и в той обстановке чем-то *новым*. Даже бесplatных детских столовых для беднейших школьников до тех пор в Петербурге не было. Когда наше дело кормления детей перешло в новое, большое помещение и приняло такие размеры, что могло обслуживать школьников значительного городского района, петербургское городское управление стало уплачивать Народному Дому стоимость этих обедов, которых выдавалось около тысячи в день².

Во-вторых, потому что в обычное представление о народных домах детские отделы вовсе не входят. Народный дом — учреждение обыкновенно предназначенное исключительно для взрослых и обслуживающее те или иные их нужды. По крайней мере, ни в одном из тех народных домов, которые я

² Обед состоял из двух блюд, из которых одно было всегда мясное, а хлеба давалось вволю, в неограниченном количестве. Стоимость такого обеда в те времена равнялась пяти копейкам.

осмотрела на рубеже этого столетия в Германии, Бельгии, Франции и Англии, я детских отделов не встретила, и только в одном из английских учреждений подобного рода нашла ремесленные мастерские для подростков, натолкнувшие и меня на эту мысль.

Между тем, взрослое население нашего района, в дневные часы было занято работой, и помещения наши ему были нужны лишь в вечернее время. Поэтому, с раннего утра и до шести часов вечера Народным Домом владели дети. Исключением являлась только столовая для взрослых, которая открывалась от 12 до 2-х часов дня и выдавала дешевые обеды спешно прибегавшему рабочему люду. Зато после шести часов и до десяти часов вечера Народный Дом заполнялся взрослыми.

Говоря о наших отделах для взрослых, мне хочется главным образом остановиться на том, что являлось или новшеством, или же результатом местных условий и счастливо сложившихся обстоятельств.

Прежде всего, нам было важно *привлечь* обывателя, дать ему возможность свободно и бесплатно войти в Народный Дом и почувствовать себя в нем не в гостях, а дома, уютно и приятно. Таким открытым и всегда доступным помещением — по вечерам в будние дни, и весь день по праздникам — была чайная. Сюда приходили целыми семьями, располагались за отдельными столиками. Здесь было тепло, чисто, светло и просторно. Были газеты и разные иллюстрированные издания, шашки и шахматы. Не было игральных карт и не было водки. С помощью Подвижного Музея, на одной из стен чайной устраивались выставки картин и предметов на какую-нибудь определенную тему: лес и степь, море, Малороссия, Кавказ, Волга, Финляндия и т. п. Некоторые выставки приурочивались к текущим событиям или юбилейным дням писателей, художников и государственных деятелей. Тут же всегда вывешивался список рекомендуемых на данную тему книг, а по праздникам давались и устные объяснения. Посетитель, впервые пришедший в Народный Дом просто погреться и выпить чаю, заинтересовывался тем, что видел, и обычно начинал затем брать книги в библиотеке, шел послушать чтение с туманными картинками и лекцию, шел в театр или записывался в какой-нибудь класс. Народный Дом притягивал и затягивал многообразием своей деятельности. Всякий мог в нем найти то, что было ему по вкусу и по уровню его понимания. В

этом и заключался основной смысл того культурно-просветительного комплекса, который назывался «Народным Домом», и то, что отличало его от отдельных столовых, чайных, библиотек, театров, не связанных между собой общностью помещения и единством плана.

Наши посетители обычно крепко к нам прирастали, годами ходили в Народный Дом и становились преданными его друзьями. В них развивалось даже своеобразное чувство «чести» Народного Дома — «нашего Дома» — и они чувствовали себя носителями и блюстителями этой чести. Старый посетитель чайной обучал новенького, который в трактирном стиле обращался к дежурившим молодым девушкам: «Это тебе здесь не мамзели, а такая-то и такая-то (называя по имени и отчеству), и ты так говорить не моги». Престиж Народного Дома был так велик, что действовал даже на прилегающую местность. Возвращаясь однажды пешком поздно вечером из Народного Дома, я в темноте услышала следующего рода диалог. Кто-то подвыпивший шел и сильно ругался. Его товарищ, тоже выпивший, его урезонивал: «Это тебе не Невский проспект, чтобы так ругаться, а Лиговка, и Народный Дом тут, и мы с тобой туда ходим, и ты себя соблюдай» и т. д. И это говорилось на улицах той части города, про которую обитатель Невского проспекта думал не иначе, как о вертепе пьяниц и разбойников, куда в вечерние часы и сунуться не безопасно.

Кроме чайной, по вечерам открывались вечерние классы, а также бесплатная библиотека, выдававшая книги на дом. Дом гудел как улей — учеников собиралось до 1.000 человек — и не было такого закоулка, в котором бы не занималась какая-нибудь группа. Тут были и безграмотные мужчины и женщины, и малограмотные, и более подвинутые и развитые рабочие, которым нужны были технические и общеобразовательные познания. На этом я подробно останавливаться не буду, так как такого рода вечерние школы для взрослых хорошо знакомы всем, кто имел дело с внешкольным образованием. Для них обязательны чрезвычайная гибкость и разнообразие программ, которые всегда должны приспосабливаться к уровню знаний учеников и к требованиям их профессий и жизни. Вот почему преподавание в таких школах не терпит рутины и требует от преподавателя постоянного творчества. Задача эта до того интересна, что обычно привлекала в стены таких школ самых одаренных преподавателей начальных и

средних учебных заведений, которые все работали в них безвозмездно. Состав преподавателей и лекторов Народного Дома получился исключительно блестящий.

К участию в наших многолюдных педагогических собраниях привлекались и представители учеников, сотрудничество которых часто было не только психологически, но и технически полезно и никогда никаких осложнений не создавало. Слово «ученик» в стенах Народного Дома было так же почетно, как слово «студент» или слово «офицер» в другой среде, в иных кругах. Ученик становился нашим сотрудником, членом нашей большой семьи, ответственным за благополучие всего учреждения, и я не могу достаточно подчеркнуть воспитательное значение этого чувства ответственности.

Ученики имели свои собственные литературные, научные, театральные кружки; издавали свой рукописный журнал; устраивали свои ученические спектакли и литературные вечера. Летом, когда большинство сотрудников Народного Дома разъезжалось, им поручалось устройство воскресных чтений для широкой публики, и хотя в это время года чтения эти собирали относительно небольшую аудиторию, всё же эта работа являлась, под нашим руководством, прекрасной и ответственной школой для наших юных учеников-сотрудников.

За пятнадцать лет деятельности Народного Дома, до 1918 года, целое поколение вышло в жизнь из его стен, даже из тех его посетителей, которые узнали дорогу к нему с 3-х летнего возраста и детского сада. Основным мотивом мечтаний и устремлений этих юношей и девушек, судя опять-таки по тем прозаическим и поэтическим их выражениям, которые сохранились у меня, является стремление «к свету», «к знанию», «к правде», к служению ближнему, к счастью — непременно всеобщему. Они учатся со страстью и спорят только о значении, которое имеет тот или другой предмет «для смысла жизни». Главное — понять жизнь. Ни одной ноты «американизма», т. е. мечты о личном, материальном благополучии. Это до того поразительно на фоне всех произошедших с тех пор событий, что я опять привожу тексты, дабы избежать обвинения в голословности.

«Только книга может натолкнуть меня на хорошие мысли и заставить стремиться к хорошим делам». «Под свежим впечатлением книг невольно порываешься сделать что-нибудь

полезное». «Чтение для меня как лекарство в трудную минуту, которых у меня не мало». «Всё то, что для меня так дорого, и чем одним я только живу, я приобрел из книг дорогих для меня писателей». «После чтения хорошей книги, сам делаешься отзывчивее, начинаешь отделять хорошее от дурного».

В одном из стихотворений читаем:

«Мы испытали удары ненастья;
Их испытав, мы теперь сознаем,
Что идеалы всеобщего счастья
Силою грубой одной не возьмем.
Нам непривычно оружия бряцанье,
Мы ведь мечей для борьбы не куем.
В помощь нам будет союз наш, да знания,
С ними мы твердо к победе пойдем».

«У нас есть убеждение», пишет другой ученик, «что образование — это какая-то волшебная сила, умеющая переносить человека в новый мир, к новой, светлой, радостной и непременно счастливой жизни. А когда начинаешь учиться и мыслить, осознаешь, что образование — это высокая гора: чем выше идешь, тем шире горизонт. Это лестница, по которой человек постепенно поднимается и становится лучше и нравственнее, и серьезнее приходит к сознанию, что для достижения цели нужен упорный и долгий труд».

Надо удивляться тому, как много энергии и бодрости в этих усталых от ежедневного фабричного труда, но сильных духом людях. Лекции им кажутся полезны, потому что побуждают ум работать на пользу общества. — «Учат человека, как жить по-человечески, потому что слушая их, хочется идти по пути великих писателей, чтобы дать познания другим людям». «Мне хочется узнать об истории развития человеческой нравственности и причинах ее упадка. Что такое Бог. Почему действительность расходится с нашими идеалами. Не оттого ли, что религия в загоне».

Со свойственным молодости желанием выражать свои мечты в звучных словах, многие пишут стихи.

«Я не один, нас в свете много,
Певцов, поющих как-нибудь.
Своей поэзией убогой
Мы лишь другим готовим путь

И в песнях нам гордиться нечем.
Встречая первую красу,
Мы робко так еще лепечем,
Как листья юные в лесу».

Юноша спрашивает:

«Слышишь ли ты, как народ просыпается,
Ищет искусства, добра, красоты?
День трудовой, шумный день начинается,
Слышишь ли ты?»

«Веришь ли ты, что проснутся все спящие,
Сбудутся наши святые мечты
И вдохновят всех труды предстоящие,
Веришь ли ты?».

«В моих мечтах», пишет в сочинении взрослая девушка, «мне представляется изба в деревне, я окружена детьми, они смотрят на меня так ласково, они внимательно слушают уроки. Я вкладываю в этот урок всю душу, они понимают меня, они любят меня. Когда я думаю об этом, у меня дух захватывает от радости и я не могу спать».

Это мечты о любви к людям. Атмосфера идеальных стремлений, идейных споров, бескорыстного отношения к науке, вера в торжество правды заражает многих, пришедших сюда бессознательно, что называется «на огонек». Одних, более способных, молодых и пылких, увлекает сразу и держит крепко. Некоторых же тяготит эта атмосфера. Жизненные неудачи, разочарование в людях, противоречие действительности с идеалами мучает и бросают они холодные слова: «из идеалов-то шубы не сошьешь, не к чему прекраснотушничать».

Один ученик пишет: «Пять месяцев изо дня в день я заглашал в себе всё живое, не ходил в класс, боясь услышать мысли так волновавшие меня. Я хотел выработать из себя русского американца, жить только для себя и был уверен, что этого добился. Но стоило мне опять соприкоснуться с Домом, как весь мой эгоизм рассеялся. Здесь мне придется часто голодать; там, куда я хотел ехать, я всегда буду сыт. Но если жить только для того, чтобы быть сытым, то лучше не жить».

Одно из просветительных учреждений, создавшееся у нас с содействием Подвижного Музея, оказалось первым в своем роде в Петербурге. Это была общедоступная обсерватория.

До тех пор в Петербурге и его окрестностях имелись обсерватории исключительно научного характера, как Обсерватории Пулкова, Университета и Палаты мер и весов. Ни частные лица, ни учителя и ученики учебных заведений доступа к ним не имели. Между тем, интерес ко всем астрономическим явлениям был всегда очень велик среди публики. Никакие темы не собирали более многочисленной аудитории, чем лекции о солнце, луне, планетах, звездах и пр. Популяризация этих знаний, наглядные наблюдения над небесными явлениями должны были иметь огромное образовательное значение, как для средних и высших школ, так и для внешкольного образования. Наша обсерватория, высоко поднимавшаяся над крышей Народного Дома, первая заполнила этот пробел в образовательных учреждениях Петербурга.

Заведующим обсерваторией был исключительно талантливый физик и популяризатор, Алексей Егорович Якобсон, безвозмездно отдававший свой труд этому делу. Во все ясные вечера, когда наблюдения были возможны, он и его помощники руководили посетителями и давали им объяснения.

Вслед за нашей обсерваторией, открылась на Марсовом поле другая, специально для того сооруженная, частная общедоступная обсерватория Меркулова.

Так проходили в Народном Доме будние дни. Праздники заполняли его еще более многочисленной и оживленной толпой.

Прежде всего открывались двери чайной, причем дети, которым был предоставлен отдельный вход, сразу отбирались в особое большое помещение, где ими занимались отдельные сотрудники. Им читали или рассказывали сказки и рассказы, иллюстрированные картинками волшебного фонаря.

В это же время, в большом театральном зале, вмещавшем до тысячи человек, устраивалось чтение с туманными картинами для взрослых. Вход был бесплатный. Эти «чтения» превратились мало-помалу в настоящие литературно-музыкальные утренники, далеко ушедшие от тех первоначальных и примитивных «чтений», по разрешенным администрацией тек-

стам, на которые когда-то приезжал Всеволод Соловьев. Теперь мы обязаны были заблаговременно заявлять полиции только об имени лектора и о теме, на которую он будет говорить. Вокруг этих воскресных чтений у нас тоже сплотилась особая группа лиц и сотрудников, как лекторов, так и музыкантов.

Устройство таких утренников для тысячной аудитории, состоявшей из мужчин и женщин, стариков и подростков, было нелегкой задачей. Ощупью, путем бесчисленных опытов, дошли мы наконец до того, что выработали тип утренника, сосредоточенного на одной, избранной для данного дня, теме. Последняя иллюстрировалась и словом, и музыкой, и картинками. Такая смена внешних впечатлений, при единстве содержания, лучше всего владела вниманием слушателей и удовлетворяла разнообразию их вкусов и желаний.

Бывали утренники, посвященные русским и иностранным писателям и их произведениям; бывали темы географические и исторические, иллюстрировавшиеся соответствующими картинками, поэзией и музыкой. Устраивались и настоящие концерты, посвященные кому-либо из русских композиторов, а иногда и иностранных. Бывали чтения об изобразительных искусствах, посвященные или отдельным художникам, или жанрам, или искусству отдельных стран. Однажды, на утреннике, посвященном Репину, появился сам Илья Ефимович и был встречен восторженной овацией. Эти чтения иллюстрировались прекрасными цветными репродукциями картин, которые изготовляла художественная мастерская Веры Александровны Беренштам (дочери А. Н. Пыпина). Бывали темы по естествознанию, по истории человеческой культуры, бывали духовные. Некоторые из этих тем, всегда разнообразившиеся по форме, повторялись нами ежегодно, как например, освобождение крестьян, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой. Одной из таких тем были «Страсти Господни», — ей мы всегда посвящали Вербное воскресенье. И я не только редко видела, но и редко сама испытывала более сильное впечатление, даже в церкви, в эти дни. Иллюстрируя евангельский текст о страданиях Спасителя, мы показывали виды Палестины и воспроизведения картин великих мастеров, в то время как скрытый за картиной хор исполнял церковные песнопения. Редко кто уходил с этого чтения с сухими глазами.

Аудитория постепенно развивалась и росла, а также дисциплинировалась и, сравнивая ее с так называемой интелли-

гентной аудиторией, я могла бы только пожелать последней столько же сосредоточенности и внимания к докладчикам и артистам, сколько проявляла эта малограмотная толпа ремесленников, рабочих и чернорабочих.

Когда Народному Дому исполнилось десять лет жизни, мы произвели среди этой воскресной аудитории анкету, желая выяснить как состав наших слушателей, так и их преобладающие интересы и впечатления от виденного и слышанного.

Оказалось, во-первых, что слушатель у нас преобладал постоянный: одна треть аудитории оказалась посещающей эти чтения более пяти лет. Во-вторых, в значительном преобладании оказалась молодежь — три четверти посетителей были люди моложе 25-ти лет. В отличие от всех других наших классов и аудиторий более научного характера, на эти чтения ходило много женщин (30%), в особенности молодых девушек. На вопросы, «что вам больше нравится и о чем бы вам хотелось услышать», ответы иногда получались очень неожиданные. У женщин преобладал интерес к литературным темам, а среди мужчин часто повторялся вопрос о том, «как жить человеку». Один просит, «чтоб про житейское», другой — «об истине, которую скрывают от народа», третий хочет, чтобы прочитали «по вопросу о семейной жизни и выяснили отношение мужа к жене и наоборот. Просьба моя объясняется тем, — говорит он — что в настоящее время женщина-жена не только не хочет подчиняться мужу, но замечается общее стремление поработить мужчину, а если это не удастся, то получают частые скандалы».

Очень ярко сказывается интерес к тому, как живут другие народы и особенно трудящиеся классы чужих стран: «Интересно было бы, чтобы вы прочли очерки о разных странах и чтобы во главе чтения стоял трудящийся рабочий класс, кующий все богатства, а сам обреченный ходить голодный и холодный». Или: «О тех странах, где рабочим живется хорошо». Хотят также просто знать «об образовании земли и всей вселенной», «об образовании ветров и течения рек и морей», а также «о трезвой жизни народов».

На вопрос: что вам больше нравится, чтение или музыка, ответы поделились приблизительно поровну, но любопытные бывали мотивировки этих предпочтений:

— «Я люблю музыку и чтение, но так как рабочий, то музыка для меня на втором плане, а в чтении я имею в будущем некоторую опору».

— «Когда читаю, я понимаю про что меня интересует, а когда музыка бывает, конечно, она оказывает приятное настроение, но разобраться и понимать в ней я не могу».

Еще один сторонник чтения пишет:

— «Нравится музыка, но больше обожаю чтение», зато другая: «Музыка мне нравится больше всего... а чтение для меня всё равно безразлично».

Многие выражали самую трогательную благодарность:

— «Всё — надо бы лучше, да нельзя, премного благодарны».

— «В общем итоге за всё просвещение мы шлем нелишнее спасибо».

— «Я рад, что толкнули меня на такую жизнь. Редкий вечерний спектакль пропускаю и лекцию. Пожелаю вам много лет в вашей жизни и наталкивать человека на этот путь, а там он и сам пойдет».

Устройством этих общедоступных утренников с бесплатным входом расписание воскресного дня в Народном Доме еще далеко не заканчивалось. Следом за этим, в другом, меньшем, зале устраивалась научно-популярная лекция с пятикопеечной входной платой. Плата эта взималась главным образом для того, чтобы оградить лекторов от неподготовленных, празднично-любопытствующих слушателей. Сюда приходили уже более развитые и подготовленные ремесленники и рабочие, желавшие послушать лекцию об астрономии, о гигиене, или по химии, физике, географии, литературе, истории, агрономии и т. д. Эти лекции по уровню своему приближались уже к тому, что называлось Народным Университетом.

На этом отделе нашей деятельности сильнее всего отражались колебания общих условий политической и общественной жизни страны и интересы момента. Придерживаясь, по возможности, полной беспартийности и строго научного отношения к трактуемому вопросу, стремясь дать каждую лекцию как нечто законченное и цельное, даже если она стояла в цепи нескольких неразрывно между собой связанных лекций, мы считали своим долгом откликнуться на запросы наших слушателей и по особо выдающимся вопросам полити-

ческой, экономической и общественной жизни. Запросы эти были очень многообразны и жажда знания вообще так велика, что трудно даже определить, какие именно темы вызвали наибольший интерес. Всякая научная лекция, если она была содержательна и хорошо прочитана, слушалась с неослабным вниманием. Женщины в этой аудитории почти полностью отсутствовали.

Едва успевали закрыться двери лекционного зала, как открывался большой театральный зал, и просторный вестибюль Дома заполнялся оживленной толпой театральных посетителей.

Ни одна из отраслей нашей деятельности не вызывала в свое время больше вопросов, сомнений и споров в нашей собственной среде, чем вопрос о том, каков должен быть репертуар театра, который для начала назывался «Народным», но быстро превратился в наших стенах в «Общедоступный».

Трудность выбора подходящих пьес создавалась, прежде всего, чрезвычайными цензурными ограничениями дозволенного в «народных» театрах репертуара. В пределы понимания «народной» аудитории — по понятиям далеко не одного только цензурного ведомства — входили в те времена лишь балаган, да мелодрама. Когда, приступая к организации нашего театра, я знакомилась с постановками других аналогичных «народных» театров и вела однажды беседу на эту тему с устроителями Василеостровского театра, который находился в заведывании просветительного общества и пользовался репутацией культурного учреждения, то услышала следующее мнение: «Островский. Нет, Островского ставить нельзя — у вас будет пустой зал. Чтобы собрать публику, нужно ставить мелодрамы, чем кровавее и страшнее, тем лучше».

Мы не пошли по этой проторенной дорожке, и честь, так же как и успех нашего опыта, должны быть приписаны тем талантливым, идейным руководителям, которые стали во главе этого дела. Это были Павел Павлович Гайдебуров с женой, Надеждой Федоровной Скарской, сестрой знаменитой Веры Федоровны Коммиссаржевской, и его помощник А. А. Брянцев, впоследствии создатель театра юных зрителей (ТЮЗ).

Первоначальные цензурные ограничения репертуара отпали, как только нам удалось перейти из категории «народ-

ного» в категорию «общедоступного» театра, но гораздо сложнее было выяснить себе самим и то, что мы хотим дать нашей аудитории, и то, как мы это хотим и можем дать. Нами была образована театральная комиссия, в состав которой входили руководители театра и его постоянные сотрудники, с одной стороны, и руководители и преподаватели Народного Дома, с другой. Позднее, когда сложилась группа постоянных учеников и посетителей Народного Дома, их представители также вошли в состав этой комиссии. Собиралась она в своем полном составе только два, три в год: весной, по окончании театрального сезона, для подведения итогов и для выработки репертуара следующей зимы, осенью, перед началом сезона и, в случае надобности, среди зимы. Собрания эти бывали часто очень бурными и всегда очень интересными. На них сталкивались два мира, искавшие взаимного понимания и общего языка: мир художественного творчества, в котором всегда живет идеальное устремление к «искусству ради искусства», и мир реального, жизненного преломления, который требует: говори со мной языком, который мне понятен, объясни мне, что хорошо и что плохо в жизни, где настоящая правда, дай мне это почувствовать, дай посмеяться и поплакать, не показывая мне моей собственной постылой, убогой и тоскливой жизни, которая уже и так набила мне оскомину, а покажи мне или воображаемое прекрасное, или увлекательно-благородное и совсем иное нежели то, что меня окружает.

В итоге многих обсуждений мы установили три руководящих принципа для нашего репертуара: 1) ясность психологического рисунка, 2) литературность и 3) отсутствие беспробудного пессимизма.

Через десять лет своей деятельности, когда впервые подводились итоги работе Народного Дома, Общедоступный Театр насчитывал в своем репертуаре почти все крупнейшие произведения русской и западной драматической литературы, многие из произведений новейших авторов, причем не раз посетитель нашего театра был первым русским зрителем, слышавшим с русской сцены не только современные новинки русской литературы, но и классические произведения Байрона, Бьернсона и др.

Одной из величайших технических трудностей для артистов нашего театра было то, что спектакли давались лишь раз в неделю, по воскресеньям. В нашем рабочем районе в будние дни зритель в театр не шел: не было ни времени, ни

средств для этого. Поэтому, каждое воскресенье давалась новая пьеса и лишь изредка можно было повторять в одном и том же сезоне ту же самую постановку. Были пьесы, которые мы повторяли ежегодно. Так, сезон наш неизменно заканчивался «Ревизором», с первоклассным Хлестаковым-Гайдебуровым, под дружный смех и аплодисменты зрителей. Но такая частая смена пьес могла отражаться отрицательно на сыгранности ансамбля. Мы никогда не прибегали к помощи знаменитых гастролеров, Гайдебуров сам подбирал и вырабатывал своих сотрудников. Они нашли выход из этого затруднения, создав параллельно с нашим «Общедоступным» свой собственный, «Передвижной» театр.

Как только весной заканчивались наши спектакли, артисты поднимались как стая птиц с насиженного гнезда и пускались в объезд губернских и уездных городов России. Они несли туда и то, что было ими уже приготовлено у нас, и то, что они включали в свой собственный репертуар, и то, что готовили к нашему следующему сезону. Эта постоянная совместная работа давала им возможность достигать такого уровня художественного исполнения, которое было бы невозможно при темпе работы в Народном Доме.

Поднимался с годами и уровень понимания и оценки наших зрителей. Помню представление «Василисы Мелентьевой» в один из наших первых театральных сезонов. Успех у зрителей и пьеса и исполнители имели большой, но очень далекий от художественных эмоций. Среди аплодисментов и оглушительных свистков (высшая степень одобрения и возбуждения), к ногам актеров упали пустые бутылки из-под водки, так называемые мерзавчики, очевидно принесенные с собой в карманах запасливыми зрителями. В сценах, где Василиса кокетничает с Грозным или где он любит ее красотой, исполнителям приходилось выслушивать циничные замечания и интимные советы опытных Дон-Жуанов с Обводного Канала. Поцелуй на сцене подхватывались дружным причмокиванием в зрительном зале. Исполнение пьесы пришлось прервать и со сцены обратиться к зрителям с соответственным моменту «словом». Такое «слово» мы стали предпосылать каждой постановке, которая по своему историческому, психологическому или художественному содержанию требовала разъяснений.

Уровень понимания нашей аудитории, так же как и степень культурности ее интересов и поведения настолько воз-

росли за первые десять лет нашей деятельности, что возможны стали постановки не только классиков нашей родной литературы, но и произведений иностранных авторов, требовавших конечно всегда специальных комментариев. Особенно врезалась мне в память постановка Софокловской «Антигоны», как иллюстрация неумирающей и всепобеждающей силы великого искусства, одинаково понятного и волнующего на расстоянии веков. «Хор» трагедии исполнялся П. П. Гайдебуровым единолично. Он стоял за кафедрой вынесенной сбоку, впереди сцены. Выразительность его чтения превосходила поэтому всякое возможное исполнение текста на действительно «хоровом» начале. Он воплощал собой не только голос вечной мудрости, но являлся выразителем чувств и мыслей и нас, толпы-хора, сидевшей в зале. Через него, стоявшего по нашу сторону занавеса, мы сами точно приобщались к действию и весь зал слушал затаив дыхание.

Наш опыт только подтвердил те убеждения, с которыми мы начинали наше дело. Кратко формулировать это убеждение можно так: чем примитивнее и безграмотнее слушатель, тем выше и бесспорнее должно быть качество того, что предносится его вниманию. «Демагогия» во всех сферах человеческой жизни вредна, подла и ядовита. Действительно же художественное, во всех областях искусства, скорее всего находит пути к человеческому пониманию, особенно если последнее предварительно не отравлено уже воспринятой им халтурой.

Вот несколько непосредственных замечаний с листов анкеты, произведенной нами среди посетителей театра на десятом году нашей деятельности. Не мало противоречивых мнений вызвали вопросы о том, какая пьеса понравилась больше, которую из пьес хотелось бы вновь увидеть, всё ли из показанного было понятно и что именно было непонятно. Привожу, для примера, три отзыва.

«Я должен описать вам за шестилетнюю ходьбу в наш театр. Много я видал пьес, драм, комедий. Мне было понятно и хорошо. Я очень заинтересован и очень увлекши. Я ходил редко в другие театры, и только ходил в Малый Театр. Но другие ходят много. Темные люди придут один раз в три месяца и говорят: «ох, какие здесь артисты худые; не умеют играть; вон там, говорят, в Мариинском Театре, там нараспев поют, а тут ничего не стоит. (В Мариинском Театре ставились оперы. С. П.) Это я сумею так сыграть».

И вот однажды приходилось с такими людьми говорить, даже скандалить, но я всегда был защитник вашего театра. Я бы мог написать и более подробно по этим словам заканчиваю». (Слесарь).

«Мне понравились больше всего те пьесы, в которых содержание согласовалось с художественной стороной». (Слесарь).

«Я не получила тот листок, который есть у моего брата, но я всё же хочу написать вам, то есть ответить на ваши вопросы. Я думаю, что вы прочитаете, хотя я и пишу на простой бумаге. Я не могла быть с самого открытия, потому что была мала. Непонятных пьес я не нашла, я готова приходить на одну и ту же пьесу по нескольку раз». (Молодая девушка).

На масленице, в прощенное воскресенье, заканчивались наши театральные представления и постом начинались по воскресеньям концерты и постановки больших оперных отрывков, исполнявшихся под рояль.

В наших музыкальных программах мы руководствовались теми же принципами, на которые я указывала выше по поводу театра. Мы не считали, что балалайка и гармошка должны пользоваться исключительной привилегией «народности», а полагали, что Чайковский, Мусоргский, Бородин, Глинка, Даргомыжский и другие корифеи русской и иностранной музыки являются достоянием всенародным и всечеловеческим. Программы наших концертов строились поэтому либо вокруг какого-нибудь избранного композитора, либо на основе объединяющей темы (концерты духовные, концерты русских народных песен и т. д.). Мы избегали только полной пестроты и разбросанности программы, ибо такие концерты не производили обычно никакого впечатления, не могли они иметь образовательного значения. Отдельные концерты устраивались нами и для детей.

Несколько раз в год ученики вечерних классов устраивали в нашем большом зале балы, беря на себя роль хозяев и распорядителей. Народу собиралось до тысячи человек. Самым многолюдным и веселым из этих балов был тот, который устраивался под новый год.

Я уже упоминала о тех первых танцульках, которые мы устраивали еще в небольшой нашей квартире на Лиговке, когда последним словом шика считалось, среди местных ремесленников и торговцев, являться на эти вечера в тяжелых

резиновых галошах, с дождевым зонтом в руках, какова бы ни была погода. Этот зонт так и не выпускался из рук за весь вечер и торжественно кружился в вихре вальса, вместе со своим обладателем и его дамой.

Как далеко ушли мы теперь от этих времен «петровского регламента» с его первыми ассамблеями! Как нарядны и милы были уже молодые девушки в своих простеньких, светлых платьях и как аккуратно подтянуто и по-праздничному выглядели их кавалеры и озабоченно хлопотавшие вокруг них ответственные распорядители вечера. Сколько тут было смеха и веселья, сколько серпантина и конфетти!

В убогую, серую жизнь Обводного Канала наконец вошла радость. И оглядываясь теперь назад на всё пережитое, я думаю, что эти балы были одним из лучших начинаний Народного Дома.

В летние месяцы зазвать публику даже в просторные помещения Народного Дома было невозможно. И по воскресеньям, и в светлые вечера длинных петербургских летних дней всех тянуло на волю, на воздух, на какую-нибудь мураву, хотя бы на ту, которой поросли могилки соседнего Волкова кладбища. Все занятия поэтому летом прекращались, работали только детский сад, ремесленные классы, столовая с чайной и библиотеки, продолжались в уменьшенном виде воскресники для детей и взрослых и усиленно заполнялся посетителями наш сад. Большой зал находил для себя в это время новое применение: в нем устраивалась какая-нибудь выставка. Бывали выставки картин, которые нам охотно давали наши лучшие художники, была выставка по сельскому хозяйству, была выставка научных изобретений.

Особенно памятна мне наша первая картинная выставка, когда мне впервые пришлось столкнуться с той нетронутой целиной не то что художественного, а просто зрительного восприятия, когда человек никак не может понять, не может увидеть, что на картине изображена корова, которая по своим реальным размерам никак не могла бы уместиться в пределах висящей перед ним рамки. И как затем, вдруг, с глаз точно спадает какая-то пелена и человек видит, что перед ним на полотне ходит по лугу не какая-то фантастическая козьявка, а животное совсем похожее на его собственную корову. Это открытие сопровождалось обычно великой радостью. У меня,

к сожалению, не сохранилось одно стихотворение, написанное петербургским извозчиком, «Ванькой», как их тогда называли, после посещения этой выставки. Оно было совершенно изумительно по силе именно этих впечатлений от новых «прозрений», которые после выставки преследовали этого деревенского парня во время долгих часов его сидения на козлах. При всей беспомощности его полуграмотного писанья, он выразил их в стихах, пытаясь словесной музыкой передать охвативший его восторг.

Свое десятилетие мы отпраздновали весной 1913 года, а через год грянула война, нарушившая мирный строй и нормальное развитие нашей деятельности. А между тем, нами намечалось в это время новое, увлекательное добавление к нашему учреждению. Нам был уже пожертвован лесной участок верстах в двадцати от Петербурга, по Финляндской железной дороге. Он должен был превратиться в «дачу» Народного Дома. Чего, чего не мечтали мы там устроить! И детскую колонию, и дом, в который бы могли приезжать для отдыха сотрудники и ученики Народного Дома. Мечтали мы и об огороде, и о молочном хозяйстве. Мечтали обо всем, о чем мечтают жители больших городов, забытые в углы своих тесных коморок, прикованные к стойкам своих лавок, к станкам своих мастерских, задавленные машинами фабрик и заводов. Война помешала осуществлению этой мечты...

Наш десятилетний юбилей сыграл роль поворотного пункта в нашей жизни и в другом, уже вполне реальном, смысле. Мы попали по этому случаю в печать, о нас «узнали», о нас заговорили. А раз узнали, то конечно тотчас же и предъявили требования. Требования эти были дружеские, но настойчивые.

Нужда в народных домах сказывалась всё острее, по мере того как развивалась и осложнялась общественная жизнь в стране, — сказывалась не только в крупных городах и фабрично-заводских центрах с многочисленным рабочим населением, но еще гораздо острее в деревнях, где население было совершенно лишено каких бы то ни было помещений, по размерам своим соответствовавших его экономическим и культурным запросам. А так как по этому вопросу не существовало в то время осведомительного и руководящего центра, то сама жизнь стала превращать наш Народный Дом в такой